

Василий Михайлович Головнин

**Записки флота капитана Головнина о
приключениях его в плену у японцев в 1811,
1812 и 1813 годах**

Часть 2

УДК 93
ББК 63.3
Г61

Г61 **Головнин В.М.**
Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: Часть 2 / Василий Михайлович Головнин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-458-13701-0

Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах.

С приобщением замечаний его о Японском Государстве и народе.

Часть вторая.

Напечатаны по Высочайшему повелению.

В Санкт-Петербурге. В Морской типографии 1816 года.

ISBN 978-5-458-13701-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАПИСКИ

ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА.

Надобно знать, что весь обширный остров *Матсмай* покрытъ кряжами высочайшихъ горъ; низменные долины находящяся только при берегахъ, и занимаютъ небольшое пространство отъ моря до подошвы горъ, которыя послѣ возвышаются поспешенно хребтами, раздѣленными между собою глубокими лощинами и такъ, что одинъ хребетъ выше другаго; дошедъ на послѣдокъ до чрезвычайной вышины, они продолжаются по всему острову, мѣстами нѣсколько понижаясь, а индѣ опять возвышаясь. И потому вся внутренняя часть острова необитаема; а селенія, какъ *Японскія*, такъ и *Курильскія*, находящяся только по берегамъ. Мы начали подниматься на горы верстахъ въ пяти отъ морскаго берега и спарались, гдѣ мѣста позволяли, идши прямо къ сѣверу, направляя путь свой по звѣздамъ. При подъемѣ на первую гору, я уже спалъ чувствовать въ полной мѣрѣ жестокую боль въ ушибенномъ колѣнѣ, которое вдругъ опухло чрезвычайнымъ образомъ. Когда мы шли по ровному мѣсту, то съ помощію палки, я могъ слегка спускаться больною ногою,

и чрезъ по боль нѣсколько уменьшалась, но поднимаясь вверхъ или идучи по косогору, по необходимости должно было и больною ногою упираться; тогда уже боль дѣлалась несшерпимою. Припомъ не бывъ въ состояніи равно идти обѣими ногами, я скоро уснулъ и почти вовсе выбился изъ силъ; почему товарищи мои принуждены были каждые полчаса останавливаться, чтобъ дать мнѣ время отдохнуть и облегчить хотя немного больное колѣно. Намѣреніе наше было, прежде разсвѣта достигнуть до покрытыхъ лѣсомъ горъ, дабы имѣть способъ скрыться въ ономъ отъ поисковъ непріятеля; ибо *Японцевъ* мы должны были теперь считашь непримиримыми себѣ врагами. Когда мы прогуливались въ долинахъ окружающихъ городъ, то лѣсъ казался недалеко, но путь узнали опытомъ сколь мы обманулись, ибо прямой пропинки къ нему мы не сыскали, а поднимались гдѣ могли; почему иногда, по причинѣ весьма шемной ночи, не бывъ въ состояніи видѣть предметы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, приближались къ такой крутизнѣ, что подняться на оную не было средствъ; въ такомъ случаѣ мы принужденными находились идти по косогору не впередъ, а въ сторону, въ ожиданіи встрѣщенья удобнаго подъема; попавъ же на оный, поспѣшь опять карабкались вверхъ, пока не встрѣчали новыхъ препятствій. Такимъ образомъ мучились мы болѣе шрехъ часовъ; наконецъ поднялись на высокій хребетъ горъ и пошли по ровной вершинѣ онаго къ сѣверу; но судьбѣ угодно было вездѣ поставлять намъ препятствія и затрудненія: мы

достигли теперь такой вышины, гдѣ мѣстами лежалъ снѣгъ на большое пространство, а какъ по снѣгу идти намъ было невозможно, ибо *Японцы* наспигли бы насъ по слѣду, по выбирая чистыя мѣста, гдѣ снѣгу не было и не видя, далеко ли впередъ онѣ простираются, мы принуждены были ходить изъ стороны въ сторону, а иногда и назадъ ворочаться; отъ чего мы исходили очень большое распояніе и измучились, но впередъ подались мало. На послѣдокъ, за часъ до разсвѣта, вышли мы нечаянно на большую дорогу, по которой *Японцы* ѣздящъ съ вьючными лошадьми изъ города въ лѣсъ за дровами, отъ чего дорога сія избита лошадиными копытами и людскими слѣдами, припомъ и снѣгу на ней не было; слѣдовательно *Японцы* нашихъ слѣдовъ никакъ примѣшить не могли; вела же она прямо на сѣверъ къ лѣсу, и лежала по ровной вершинѣ горнаго хребта. Мы весьма обрадовались такой встрѣчѣ и удвоили свой шагъ; теперь, идучи по ровному мѣсту, я хотя и чувствовалъ въ колѣнѣхъ и даже во всей ногѣ жестокою боль, но оную въ сравненіи съ тѣмъ, что испыталъ я, поднимаясь на горы, можно было назвать великимъ облегченіемъ. Мы думали уже скоро достигнуть дремучаго лѣсу и располагали, забравшись въ чащу онаго, отдыхать тамъ цѣлый день, но мажоръ *Васильевъ* оглянувшись вдругъ сказалъ; за нами гонятся на лошадяхъ съ фонарями, и съ сими словами бросился съ дороги въ лощину! Взглянувъ назадъ, мы увидѣли нѣсколько огней, показавшихся весьма близко; тогда и мы последовали за нимъ, и начали спускаться

по крутизнамъ въ глубокую лощину. Долго мы спускались, не находя ни лѣсу, ни кустовъ, гдѣ можно было бы спрясаться, а между тѣмъ уже разсвѣтало; если бы тогда былъ день, то насъ можно бѣ было видѣть со всѣхъ окружающихъ горъ, а скрыться было нѣгдѣ. Наконецъ спустились мы на самой низъ пространной лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной почти голыми горами; въ лощинѣ лежало еще много снѣгу, но мѣста, гдѣ бы можно было скрыться, мы не находили, а день уже насталъ. Нѣсколько минутъ стояли мы на одномъ мѣстѣ, озираясь кругомъ себя и не зная, что намъ предпринять; наослѣдокъ усмотрѣли въ одномъ каменномъ ушесѣ отверстіе; и подойдя къ оному, нашли, что шухъ была небольшая пещера, въ которой мы едва всѣ помѣститься могли. Подлѣ самой сей пещеры лился съ горы большой водопадъ и выбилъ въ снѣгу подъ нею яму до самаго дна лощины, фушовъ на десять. Къ пещерѣ подошли мы по снѣгу, ибо въ этомъ углу рышвины весьма много его набито было; она находилась въ ушесѣ, сажени на полторы отъ низу лощины и водопадомъ снѣгу было сполько выбито, что мы едва могли съ помощію небольшого деревца у самаго отверстія пещеры сшоявшаго; ухватясь за оное, шагнуть въ нее; малѣйшая неоспорожность (или если бы корень деревца былъ слабо утвржденъ въ разщелинѣ, изъ которой оно выросло) могло бы повергнуть кого нибудь изъ насъ въ выбишую водопадомъ яму, перемочило бы его до нитки, да и выкарабкашся оттуда было бы ему трудно; а мнѣ съ больною ногою

моею и вовсе невозможно; однакожь, благодаря Бога, мы всё благополучно вошли въ пещеру. Сидѣшь намъ было очень непросторно, а припомъ и жестко, ибо *гроубъ* нашъ до половины былъ наполненъ плишникомъ, изъ коего вся гора состояла, и кошорый лежалъ въ безпорядкѣ: многія плишы высунулись вверхъ краями и углами; а хуже всего было то, что мы почти не смѣли пошевелиться и принуждены были съ величайшею осторожноспію перемѣнять положеніе тѣла, пошому, что дно пещеры было покапо къ ямѣ, водопадомъ сдѣланной, а плишникъ мѣлокъ и сыпучъ, шакъ что мы съ часу на часъ ожидали, что онъ покашится совсѣмъ и съ нами въ рышвину. И шакъ мы не могли ни лечь, ни пропянушься, а шолько съ одной спороны на другую облакачивались. Впрочемъ убѣжище наше было очень скрышно. *Японцы*, не подойдя вплоть къ оному, никакъ не могли насъ видѣшь, а къ щастію нашему весьма холодный ушренникъ шакъ скрѣшилъ снѣгъ, что слѣды наши на немъ не были примѣшны. Насъ безнокоилъ шолько одинъ случай, кошорому виною былъ шоварищъ нашъ *Шкиевъ*: когда мы уже спускались въ лощину, онъ потерялъ колпакъ свой, сшипый имъ на дорогу изъ шерстанаго *Рускаго* чулка. *Японцы*, нашедъ оный, шопнчасъ увидѣли бы, что эша вещь изъ нашего *гардероба* и могли бы къ намъ добрашься. Припомъ надобно сказать, что мы шакже опасались, чтообы снѣгъ у нашего выхода изъ пещеры въ шеченіе дня опъ дѣйствія солнечныхъ лучей не спаялъ въ большомъ количествѣ; тогда намъ уже невозможно было бы опашъ выдши вонъ,

ибо поупру, какъ я выше сказалъ, мы и въ пещеру съ трудомъ могли влѣзть. Въ такомъ положеніи мы просидѣли до самаго захожденія солнца, разговаривая о своемъ состояніи и о будущихъ нашихъ предиріятіяхъ. День былъ весьма ясный, но солнечные лучи къ намъ не проницали, а сосѣдъ нашъ водопадъ еще болѣе охлаждалъ окружающій насъ воздухъ, отъ чего иногда едва зубъ на зубъ у насъ попадалъ. Въ теченіе дня мы часто слышали удары шпоровъ въ лѣсу, который теперь былъ уже не очень далеко отъ насъ, а передъ захожденіемъ солнца мы, выглядывая изъ пещеры, видѣли на горахъ много людей. Впрочемъ особенно примѣчательнаго ничего не случилось, какъ развѣ то, что въ одно время слышали мы шорохъ, какъ будто бы кто спускался къ намъ съ горы; шорохъ увеличивался и приближался; мы ожидали уже каждую минушу увидѣть отрядъ солдатъ, насъ преслѣдующихъ, и готовились защищаться и отбиться, буде можно, но вдругъ явился дикой олень, который лишь только открылъ по духу, что мы отъ него близко, въ мигъ отъ насъ скрылся.

Когда появились на небѣ звѣзды, мы вышли изъ пещеры, и стали подниматься на высокую гору къ северу, которая отчасти была покрыта мѣлкимъ рѣдкимъ лѣсомъ. Въ это время состояніе мое было самое ужасное: сидя въ пещерѣ я старался держать больную свою ногу почти всегда въ одномъ положеніи и она меня неслишкомъ беспокоила; но когда мы пошли, а особенно, когда стали подниматься на гору, тогда боль, не

только въ одномъ колѣнѣ, но и по всей ногѣ опъ пяпки до поясницы сдѣлалась несстерпимою. Я видѣлъ, какое мученье долженъ былъ перенести, поднявшись на одну эту гору, но что будешь далье? Сколько разъ еще намъ надобно будетъ спускаться въ пропасти и подниматься на утесы? а обстоятельства требовали, чтобы мы скоро шли. Я чувствовалъ, что дѣлалъ большую помѣху своимъ товарищамъ и могъ быть причиною ихъ гибели, и поэтому спалъ просить ихъ именемъ Бога оставить меня одного умереть въ пустынѣ; но они на это никакъ согласишься не хотѣли. Я представлялъ имъ, что видно судьбѣ угодно уже, чтобы я погибъ здѣсь, ибо при самомъ началѣ нашего покушенія я сдѣлался неспособнымъ имъ сопутствовать, и такъ почему же имъ, бывъ въ полномъ здоровьѣ и въ силахъ, безъ всякой пользы для меня, погибашъ со мною самимъ; когда они могутъ еще завладѣвъ судномъ спастись и достигнуть *Россіи*. Что же принадлежишь до меня, что слѣдуя за ними, я долженъ только буду и ихъ задерживашъ и самъ претерпѣвашъ лишнее мученье; рано или поздно они должны же будущъ меня оставить и пр. Однакожь они прозбы моей не уважили, а говорили, что покуда я живъ, то не оставишь меня, и что они готовы каждую четверть часа останавливашся и давать мнѣ время отдыханъ, а когда достигнемъ безопаснаго мѣста, то можемъ побыть тамъ дня два или три для отдохновенія и поправленія больной моей ноги; сверхъ того матрозъ *Макаровъ* вызвался самъ добровольно помогашъ мнѣ при подъемахъ на горы, ша-

кимъ образомъ, чтобы я шелъ за нимъ и держался за его кушакъ. И такъ я рѣшился, претерпѣвая ужасное мученье, слѣдовать за моими поварями, но уже, можно сказать, не шелъ, а *Макаровъ* тащилъ меня. Поднявшись на первую гору, достигли мы ровной вершины ея, покрытой высокою прошлогоднею снѣгомъ и мѣлкимъ расщепленіемъ дерева *балбу*. О отдохнувъ нѣсколько времени пошли мы по вершинѣ, направляя путь свой по звѣздамъ къ сѣверу. Ночь была тихая и свѣтлая; мы хорошо видѣли вдали превысокіе хребты, снѣгомъ покрытые, которые надлежало переходить. Тотъ хребтъ, по вершинѣ коего мы шли и слѣдующій за нимъ, были раздѣлены преужасною лощиною, столь глубокою, что мы никакъ не могли рѣшиться ночью спускаться въ оную, опасаясь, чтобы не зайши въ такую пропасть, изъ которой и назадъ выбраться будетъ трудно; а потому вмѣсто того, чтобы идти къ сѣверу, пошли мы вдоль лощины на западъ, въ надеждѣ встрѣшить горы, соединяющія сіи два хребта; да и въ самомъ дѣлѣ не долго мы находились въ безпокойствѣ, и скоро нашли какъ будто нарочно искусствомъ сдѣланную площадку, которая лежала прямо поперекъ всей лощины и соединяла оба хребта; она очень походила на дѣло рукъ человѣческихъ, и только одна огромность ея показывала, что она есть твореніе природы. Спускаясь на сей переходъ, увидѣли мы два шалапа, отъ коихъ происходилъ изрѣдка свистъ, точно такой, какимъ у насъ манятъ перепеловъ; мы, присѣвъ въ праву, долго слушали, желая удостовериться, птица ли это или охотники

сидѣвшіе въ шалашахъ. Наконецъ рѣшились идти къ нимъ, полагая, что ихъ не можешь быть такое число, съ копорымъ не могли бы мы управиться; но подойдя поближе, увидѣли, что ночью два костра жердей намъ показались шалашами. Взявъ изъ нихъ по одной жерди вмѣсто копій, пошли мы далѣе, а перейдя на другой хребетъ, попали на большую дорогу, ведущую къ сѣверу, по которой возятъ дрова и уголь на вьючныхъ лошадяхъ въ городъ; между тѣмъ мы примѣтили, что нынѣшнюю весною никто еще по ней не ѣздилъ, хотя вездѣ кругомъ насъ видны были огни, происходившіе отъ жженія угля въ ямахъ. Продолжая идти по найденной нами дорогѣ, начали мы встрѣчать мѣлкій густой лѣсъ и большую яму, и потому, когда время было уже за полночь, мы вздумали отдохнуть, забравшись въ чащу, ибо сидя въ пещерѣ на острыхъ камняхъ, мы ни на минушу даже задремать не могли. Проспавъ часа два, а можешь быть и болѣе, пошли мы далѣе по дорогѣ, которая съ вершины хребта повела насъ разными кривыми излучинами въ преглубокую лощину; спустившись туда на самый низъ, пришли мы къ небольшой рѣчкѣ, которая была мѣстами покрыта льдомъ и глубокимъ снѣгомъ, но онъ былъ столь твердъ, что могъ насъ поднимать. Тутъ мы потеряли свою дорогу, и потому перешли по снѣгу чрезъ всю лощину поперекъ оной, къ подъему на слѣдующій хребетъ, въ то мѣсто, гдѣ по нашимъ догадкамъ, ожидали мы найти продолженіе потерянной нами дороги; однако жъ большой дороги сыскать не могли, а карабкаясь на гору попали на небольшую пропину. Под-

нимаясь по оной, взошли мы на вершину хребта, который былъ выше всѣхъ пѣхъ, кои мы прошли, и какъ мы лѣзли весьма тихо, останавливаясь припомъ очень часто для отдохновенія, то вѣршины сего хребта достигли передъ самымъ почти разсвѣтомъ, и нашедъ шущъ удобное мѣсто для дневанья, мы расположились оспашься на весь день; для сего мы умяли въ гуспой чащѣ горнаго пророснику (или мѣлкое растѣнїе *балбу*) на такое пространство, на которомъ бы намъ всѣмъ можно было лечь влопъ одинъ къ другому, дабы хотя симъ средствомъ немного согрѣлись, ибо утро было очень холодное, а мы одѣшы были неслишкомъ тепло; но и двухъ часовъ, я думаю, мы не въ состоянїи были пролежать, а спать почти и вовсе не могли: споль много беспокоила насъ стужа. Лишь только насталь день, мы вспали и осмотрѣли всѣ предметы, окружавшіе насъ; мы находились на превысокой горѣ и со всѣхъ сторонъ были окружены хребтами высокихъ горъ; тѣ изъ нихъ, которые находились ошъ насъ къ полуденной сторонѣ, были ниже того хребта, на которомъ мы расположились, а находившіеся къ сѣверу несравненно его превышали. Впрочемъ, кромѣ неба, горъ, лѣсу и снѣгу, мы ничего не видали, но сіи предметы имѣли весьма величественный видъ. Примѣтивъ, что всѣ вершины хребтовъ были покрыты небольшою мрачноспїю, мы заключили, что если у насъ будетъ огонь, то съ окружающихъ горъ, нельзя разсмотрѣшь дыму; почему согласились развеспи оный между проросникомъ, чшобъ по-